

Виктор Моисеевич ДАЛИН

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ БАБЕФА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

К 200-летию со дня рождения Бабефа

Новая и новейшая история. 1961. № 1. С.52-71

Веб-публикация: [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Расположение авторских ссылок изменено по сравнению с оригиналом. Ссылки на тематические работы в сети даны нами.

[Бабеф. Письмо жене 25 июля 1789 г.](#) [Из «Письма депутата Пикардии» 14 июля 1790 г.](#)

[Бабеф. Манифест плебеев](#)

[Г.Черткова. От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или заговор равных?](#)

[Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции](#)

[Ф.Буонаротти. Заговор во имя Равенства \(с приложением документов\)](#)

[Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию](#)

[Я.Старосельский. Бабеф и якобинская диктатура](#)

[Д.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы](#)

[К.Добролюбский. Термидор](#)

[К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора](#)

[К.Добролюбский. Термидорианская реакция \(общественная жизнь по свидетельствам очевидцев\)](#)

[П.Щеголев. Заговор Бабефа](#)

[П.Щеголев. После Термидора](#)

[М.Доманже. Бабеф и заговор Равных](#)

[А.Матьез. Термидорианская реакция \(чч.1, 2\)](#)

[Х.Момджян. Биография и общественно-политические и философские взгляды Сильвена Марешаля](#)

[С.Киясов. Сильвен Марешаль](#)

[С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба](#)

[А.Собуль. Робеспьер и народное движение](#)

[Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции](#)

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)

[В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»: Великая французская революция и социализм \(Франсуа Буассель, «Социальный кружок», аббат Фоше, Ланж из Лиона, Прудом, Рабо Сент-Этьен, Госселен, М.Робеспьер, Сен-Жюст, Жан-Поль Марат, Пьер-Гаспар Шометт, «бешеные» - Жак Ру, Теофиль Леклерк, Жан Варле; Бабеф\) Идеиное наследие бабувизма](#)

[В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)

[Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления](#)

[И.Эренбург. Заговор Равных](#)

[В.Далин. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону](#)

[В.Далин. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах](#)

[В.Далин. Неизвестная рукопись Бабефа](#)

В ноябре 1960 г. исполнилось 200 лет со дня рождения крупнейшего революционера, организатора и вдохновителя движения «во имя равенства» в эпоху Великой французской буржуазной революции Франсуа Ноэля-Гракха Бабефа.

Нельзя сказать, что деятельность Бабефа и движение, связанное с его именем, не привлекали к себе внимания историков. Не говоря уже о замечательной книге Буонаротти, опубликованной в 1828 г. и до сих и остающейся ценнейшим источником, с середины XIX в. начали выходить специальные исследования, посвященные Бабефу. В 1850 г. появилась первая его биография, написанная консервативным автором Э.Флери в резко враждебном социализму духе. В 1865 г. была напечатана небольшая работа члена «Общества пикардийских древностей» Э.Коз «Бабеф из Руа», в которой впервые были собраны материалы о раннем периоде революционной деятельности Бабефа². Но ни Флери, ни Коз не были знакомы с обширнейшим личным архивом Бабефа, который каким-то чудом уцелел и в 60-х годах прошлого века попал в руки библиофила и коллекционера Поше-Дероша. Первым исследователем, использовавшим этот архив, был В.Адвиель³.

В своей двухтомной работе, вышедшей в 1884 г. (правда, всего в 300 экземплярах), Адвиель опубликовал переписку Бабефа в 1786—1788; с секретарем Аррасской академии Дюбуа де Фоссе, защитительную речь Бабефа на Вандомском процессе (но сохранившейся рукописи), использовал переписку Бабефа с семьей и т.д. Не будучи, однако, хорошо знакомым ни с историей Французской революции, ни с историей социализма, Адвиель не сумел полностью использовать архивные материалы. После смерти Поше-Дероша архив Бабефа перешел в другие руки, и никто из последующих исследователей им уже не пользовался.

Важным дополнением к документам, изданным Адвиелем, явилась публикация в 1898 г. А.Эспинасом письма Бабефа к будущему члену Законодательного собрания аббату Купе, существенно обогатившего паи представления о социальных идеях Бабефа в первые годы революции, об его отношении к «аграрному

закону»⁴. Некоторые новые документы сохранившиеся в провинциальных архивах, использовал Г.Девилль, автор редактировавшейся Ж.Жоресом «Социалистической истории»⁵. В течение долгого времени никто из авторов, писавших о Бабефе, не привлекал никаких новых документов. А.Тома⁶, например, ограничился только иной интерпретацией ранее опубликованных материалов. Единственным исключением явилось небольшое и пристрастное исследование Л.Пату, посвященное так называемому «делу о подлоге», сфабрикованному против Бабефа его противниками в 1793 г.⁷

Новый этап в изучении биографии Бабефа и истории бабувизма наступил после Октябрьской революции. Уже в 1922 г. в превосходной статье «Идейное наследие бабувизма»⁸ В.П.Волгин [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#volg>], в отличие от всех прежних исследователей, сосредоточил свое внимание на вопросе о том вкладе, который был внесен Бабефом и бабувистами в развитие учения о революционной диктатуре. Под этим углом зрения В.П.Волгин неоднократно возвращался к оценке роли Бабефа в истории развития коммунистической мысли⁹.

Биографией Бабефа и историей движения «во имя равенства» занимались и другие советские историки, в частности К.П.Добролюбский [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dobr>] и П.П.Щеголев [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#shcheg>]. Ими были использованы редчайшие печатные произведения Бабефа, имеющиеся в советских книгохранилищах¹⁰. В 1926 г. Институту К.Маркса и Ф.Энгельса удалось приобрести архив Бабефа, и с тех пор эта драгоценная коллекция хранится в Москве.

Усиление интереса к социальной истории Французской революции и к истории коммунистической мысли привело к тому, что во Франции в 20—40-х годах появился ряд новых исследований, посвященных Бабефу. Среди них наибольший интерес представляют работы М.Домманже [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#m-domn>], особенно его издание «Избранных произведений» Бабефа с очень содержательными и подробными комментариями, а также ценным библиографическим обзором¹¹. А.Матьез [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>] посвятил Бабефу ряд глав в своей «Термидорианской реакции» и «Директории»¹². Однако убежденный и страстный робеспьерист, Матьез не в состоянии был понять мелкобуржуазную ограниченность идей Робеспьера и отрицал историческое значение коммунистических идей Бабефа, в которых Матьез видел «нечто совершенно второстепенное, имеющее мало отношения к подлинной политике Бабефа»¹³.

Большой интерес к Бабефу проявлял Ж.Лефевр [<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lfebv>], опубликовавший очень ценный этюд, основанный на новых документах департаментского архива, и выступавший со специальным докладом о Бабефе на IX Международном историческом конгрессе¹⁴. Некоторые взгляды, высказанные Лефевром по вопросу о генезисе коммунистических идей Бабефа, являются, однако, спорными.

Последним по времени специальным исследованием о Бабефе, вышедшем во Франции, явилась книга буржуазного историка Ж.Вальтера¹⁵. Несмотря на претенциозное заявление автора, что его работа подводит; критический итог всем предшествовавшим исследованиям, она была явной «скороспелкой». Круг новых источников, использованных Вальтером, чрезвычайно невелик: он знакомился лишь — и притом очень небрежно — с некоторыми делами, хранящимися в Национальном архиве в Париже, Книга изобилует фактическими ошибками, крайне поверхностна и притом явно тенденциозна, поскольку автор ее всячески стремился принизить роль и значение Бабефа.

В послевоенные годы интерес исследователей сосредоточился преимущественно на изучении деятельности Буонарроти. Работы итальянских историков А.Галанте Гарроне и А.Саитта представляют, однако, интерес и для биографии Бабефа, в частности для сравнительного анализа взглядов Бабефа и Буонарроти¹⁶.

Несмотря на все эти несомненные достижения исторической науки в деле изучения биографии Бабефа и истории бабувистского движения, следует признать, что задача создания подлинно научной биографии Бабефа до сих пор не решена. Продолжается публикация архивных документов¹⁷, значительное количество их еще не выявлено. Только в последние! годы началась разработка богатейшего личного архива Бабефа, причем выяснилось, что здесь имеются документы, важные для изучения не только революционной деятельности Бабефа, но и его теоретических взглядов. В биографии Бабефа, особенно раннего периода, остаются еще спорные проблемы, требующие разрешения. Одну из них мы попытаемся осветить ниже.

Одним из центральных, до сих пор наименее выясненных вопросов биографии Бабефа является вопрос о генезисе его коммунистических взглядов. Был ли Бабеф накануне революции и в первые годы только эгалитаристом с очень неясными и смутными симпатиями к коммунизму? Произошел ли переворот в его социальных воззрениях лишь на основе опыта революции и

термидорианской реакции, как полагал, например, советский биограф Бабефа П.П.Щеголев? Занимал ли вообще коммунизм только второстепенное место в мировоззрении Бабефа, как считал Альбер Матъез? Не оформились ли коммунистические взгляды Бабефа под влиянием Буонарроти; не следует ли именно последнего считать главным теоретиком движения, как склонны предполагать некоторые новейшие биографы Буонарроти? Если же, наоборот, считать, что коммунистические взгляды Бабефа сложились, как полагали Ж.Лефевр и М.Домманже, независимо от Буонарроти и значительно раньше 1795 г., то можно ли согласиться с Ж.Лефевром, считавшим, что корни коммунизма Бабефа кроются в «общинной традиции» пикардийской деревни¹⁸.

Ответ на эти сложные вопросы может быть дан только после тщательного анализа прежде всего высказываний самого Бабефа. Единственным, но очень ценным источником для изучения социальных взглядов Бабефа до революции является его переписка с Дюбуа де Фоссе, опубликованная В.Адвиелем¹⁹.

Крупный землевладелец секретарь Аррасской академии Фердинанд Дюбуа де Фоссе (1742–1817), впоследствии мэр Арраса и председатель директории департамента Па-де-Калэ, был наиболее выдающимся человеком из тех, кто встречался Бабефу в то время, когда он был еще скромным архивистом-февдистом в маленьком пикардийском городке Руа. Переписка Бабефа с Дюбуа де Фоссе касалась самых разнообразных вопросов, в далеко не все в ней представляет исторический интерес. Бабеф никогда не забывал, что в лице Дюбуа де Фоссе он имел дело пусть с просвещенным и либеральным, но все-таки феодальным «баринном». «Вы дворянин, — писал Бабеф в июне 1786 г., — и Ваши предки оставили Вам изрядное состояние»²⁰. В своих письмах Бабеф проявлял вполне оправданную осторожность. «Вы понимаете, — подчеркивал он, — что перед лицом всего того, чего приходится остерегаться, мы не можем ни говорить о наиболее интересных вопросах в нужных выражениях, ни правильно их разрешать»²¹. Переписка не дает поэтому точного представления о подлинных взглядах Бабефа. Но все-таки в ряде случаев выдержка изменяла Бабефу, желание поделиться, — возможно, впервые — своими заветными мыслями превозмогало осторожность. В его письмах иногда сверкают подлинные молнии, ярко выражены первые коммунистические мысли Бабефа.

Публикация переписки, осуществленная Адвиелем, была не полной. В нее вошли 38 писем Бабефа и 61 письмо к нему Дюбуа де Фоссе. Уже из этого соотношения видно, что в распоряжении Адвиеля были не все письма Бабефа. Письма Дюбуа Адвиель

печатал по подлинникам, а ответы Бабефа — по черновикам, которые Бабеф имел обыкновение писать на оборотной стороне писем Дюбуа. Перебеленных текстов в их окончательной редакции в распоряжении Адвиеля, по-видимому, не было. Только недавно в замке Дюбуа де Фоссе приведены наконец в порядок письма Бабефа, и теперь во Франции готовится полное, научное их издание.

Важной находкой является также недавно обнаруженный в московском архиве ответ Бабефа па письмо к нему Дюбуа от 1 июня 1786 г.²² Очень обстоятельный, целиком посвященный острейшим социальным вопросам, этот документ является одним из наиболее ценных в литературном наследстве Бабефа. Он содержит смелую критику существовавших во Франции общественных отношений и значительно обогащает наши представления о социальных взглядах Бабефа накануне революции. Именно эта смелость и откровенность побудили, вероятно, Бабефа отказаться от посылки ответа в такой редакции. 22 июня 1786 г. он отправил другое письмо (оно имеется в архиве Дюбуа)²³, где коснулся тех же вопросов, но в неизмеримо более сдержанных и осторожных выражениях. Сравнение этих двух текстов наглядно показывает, какой строгой внутренней цензуре подвергал Бабеф свои письма. Анализ данного письма, рассматривавшего в связи с остальной перепиской, дает возможность гораздо яснее и отчетливее, чем прежде, проследить генезис коммунистических взглядов Бабефа на самой ранней стадии их формирования²⁴.

* * *

В апреле 1785 г. Аррасской академией был объявлен конкурс, на который Бабеф (в ноябре) представил свой мемуар «Полезно ли делить в Артуа фермы и земельные хозяйства и, в случае утвердительного ответа, какие границы следует соблюдать при этом дележе»²⁵. Эта чрезвычайно острая и важная тема о переделе ферм привлекла к себе внимание не только Бабефа. Один из ответов, присланный на конкурс адвокатом Дельгоргом, был признан английским экономистом Артуром Юнгом самым ярким и точным изложением взглядов защитников крупного хозяйства и крупной земельной собственности, которые он сам целиком разделял. «Невозможно, — писал Юнг, — сделать более верные и более справедливые замечания о преимуществах крупных ферм и богатых фермеров, чем те, которые изложены в «Энциклопедии», и никто не освещал этот вопрос лучше, чем г-н Дельгорг»²⁶. Эти взгляды, отрицавшие полезность дробления ферм, были ярким выражением идей капиталистического предпринимательства,

«английской» системы ведения сельского хозяйства и насаждения крупного фермерства.

В решительный бой с идеями Дельгорга вступил Бабеф. Его возмущало то, что академия при рассмотрении мемуаров противника дробления ферм — Дельгорга и сторонника этой меры — Делестре дю Терража ограничилась одобрением обеих работ, несмотря на полную противоположность взглядов авторов.

Полемикой с Дельгоргом и начинается июньское письмо 1786 г., представляющее собой своеобразное credo Бабефа, его принципиальную декларацию. Вопрос о концентрации ферм (*reunion des fermes*) был одним из самых больных для пикардийского крестьянства в последней трети XVIII в., и Бабеф выступил в качестве самого решительного противника крупного фермерства.

Констатируя все большую концентрацию ферм, Бабеф видел в этом серьезнейшую угрозу для крестьянства и даже для сельскохозяйственных рабочих, которым эти фермеры дают работу: «Если в приходе трое или четверо крупнейших земледельцев эксплуатируют всю территорию при помощи небольшого числа наемных рук, они справляются со всем. Доказано, что в таком случае все остальные жители не находят себе больше места в сельском хозяйстве, даже если они готовы работать не на себя. Они вынуждены поэтому обращаться к промышленности»²⁷. Увеличение роли зажиточного крестьянства, создание своеобразной «монополии» внушало Бабефу величайшие опасения. Аренда крупных ферм доступна только «богатым земледельцам» и сохранение таких ферм «создает своего рода монополию ведения сельского хозяйства наименее многочисленным классом. Это приведет ко все большему неравенству в состояниях. Крупные фермеры будут опасаться обильных урожаев; чтобы иметь возможность оплатить свою аренду, они станут торговать зерном и будут занимать на своих полях возможно меньшее число рук, сокращая их (работников. — В.Д.) заработную плату и доводя ее до нуля, будь это только возможно. Что станет тогда с огромным большинством деревенских жителей, с самого своего детства и как бы по инстинкту призванных заниматься земледельческим трудом... Я трепещу, когда думаю о роковых и неизбежных последствиях таких злоупотреблений»²⁸.

В то же время Бабеф доказывает, что подавляющее большинство фермеров вовсе не стремится к улучшению методов обработки земли. «Некоторые фермеры процветают, — отмечал он. — Но это процветание объясняется скорей удачей, чем умением

земледельца; по большей части оно результат спекуляции зерном и нищеты поденщиков, которые здесь работают»²⁹. Обычно те, кого крупные земельные собственники предпочитают иметь в качестве фермеров, меньше всего заботятся о совершенствовании обработки земли. «Это самые развязные, самые продувные, самые хитрые, самые дерзкие в игре люди, самые плутоватые при менах и в торговле залежалым товаром, наиболее развращенные завсегда ярмарок и кабаков. В городе — это интриганы, в деревне самые хитрые шельмы, обладающие всеми пороками горожан, но лишённые их добродетелей»³⁰. Столь резко враждебное отношение Бабефа к фермерству вполне объяснимо на фоне социальных отношений в пикардийской деревне. Отражая глубокое недовольство деревенской бедноты, Бабеф обвинял фермеров в том, что они запирают свои амбары в ожидании повышения цен, совершенно не заботясь о том, обеспечены ли в достаточной мере хлебом поденщики и все те, кто помогал при уборке урожая.

Исходя из этих соображений, Бабеф стал самым решительным сторонником раздела, дробления крупных ферм. Однако в высшей степени интересно, что Бабеф вместе с тем категорически высказывался — в 1786 году! — против бесконечного дробления ферм, против их «распыления». «Делить — не значит ломать. По моему мнению, каждый раз, когда дележка становится чрезмерной, т.е. каждый раз, когда она приводит к возникновению ничтожных парцелл, она становится скорее пагубной, чем полезной»³¹.

Те соображения, которыми руководствовались Дельгорг и Юнг, доказывавшие преимущества крупного сельского хозяйства, были вовсе не чужды и Бабефу. Он отчетливо видел — и часто высказывал эту мысль в своей переписке с Дюбуа, — что уровень сельскохозяйственной культуры во всей Франции, в частности в его родной Пикардии, еще очень низок. Показательно, что Бабеф был противником «*jachere*», т.е. трехпольной системы земледелия и связанного с ней оставления земли под паром. До сих пор не обращали внимания на то, что среди тем, предложенных Бабефом в 1787 г. Аррасской академии для проведения конкурса, фигурировала и такая: «Не является ли заблуждением обычай оставлять ежегодно под паром треть первоклассных или даже просто пригодных к обработке земель. В случае утвердительного ответа определить теоретически: преимущества, которые дает уничтожение этого обычая, с учетом увеличения расходов, вызванных иными приемами возделывания земли; наиболее пригодные меры для того, чтобы все земледельцы применяла эти

новые способы»³². Признавая, что за последние годы произошло некоторое улучшение методов ведения сельского хозяйства, Бабеф неизменно подчеркивал, что нужно сделать еще очень много. Крестьяне редко и неохотно следуют более передовым образцам: «В тех же кантонах, в той же провинции, в одних местах возделывают лучше, чем в соседних, хотя почва ничем не разнится. В Руа обрабатывают ежегодно только две трети всех земель, тоща как в 5 лье от него, вокруг Нуайона и Компьена, где почва даже хуже, ни один клочок земли не остается необработанным»³³.

Крупные фермы не обеспечивают подъема сельского хозяйства, но и чрезмерное их дробление на крохотные участки приведет «к упадку сельского хозяйства», «только к жалкой обработке земли и ничем не сможет содействовать искоренению нищеты... Вместо того, чтобы стать матерью, земля, раздробленная таким образом, станет только мачехой»³⁴. «Альтернативу» крупным фермам Бабеф видел в создании системы «коллективных ферм» (*fermes collectives*). Этот выход он защищал как в мемуаре 1785 г., так и в июньском письме 1786 г.

«Я заменяю,— излагает Бабеф свою идею,— коллективной фермой ферму, которая имела одного нанимателя. 50, 40, 30, 20 человек будут жить совместно как члены одного сообщества (*en associes*) на этой ферме, вокруг которой, будучи разьединенными, они раньше прозябали; от нужды они быстро перейдут к изобилию (*a l'aisance*)». Он ясно и убедительно изображал все преимущества такого коллективного хозяйства: «Там, где множество людей объединяется, чтобы совместно добиваться общей цели, по необходимости всегда имеется общее руководство, которое вверяется самому разумному, самому опытному, самому честному; все наблюдают друг за другом и существует взаимное соревнование (*emulation*); все относятся враждебно к легкомыслию, ко всяким пагубным развлечениям; каждый следит за тем, чтобы он сам не был уличен в неловкости или небрежности; среди равных — глаз хозяина повсюду и нигде. Если кто-нибудь болеет, никто не страдает от этого — ни его жена, ни дети, ни ферма, потому что все удваивают тогда свою активность и каждый охотно принимает на себя небольшую долю увеличения труда; никакой несчастный случай, даже смерть, ничего не приостанавливает. За лошадьми всегда ухаживают, у быков всегда есть погонщик, за коровами постоянно следят и их доят; если заболевает хозяйка, птичий двор не приходит в запустение — в этой братской общине все друг друга могут заменить (*dans cette commune fraternelle tout le monde se supplie mutuellement*)»³⁵.

В совершенстве зная все слабые стороны мелкого, разобщенного сельского хозяйства, Бабеф показывает и другие (преимущества коллективной фермы: «Все станут работать, стремясь добиваться улучшения во всем, с тем большим усердием, что никому не захочется, чтобы его упрекнули в недостатке мужества, все будут обладать большими знаниями, так как в двадцати головах их всегда больше, чем в одной. Фермер-одиночка, если ему нужно копать ямы, рыть сточные каналы, стричь кустарник, сеять, косить, собирать зерно, сено или солому, молотить, дважды оглядывается, прежде чем извлечь деньги из своего кошелька, чтобы оплатить поденщиков; он часто откладывает на завтра то, что следует сделать сегодня, а тем временем наступает плохая погода и отложенное гибнет безвозвратно.

На коллективной ферме все делается вовремя, всегда есть нужное число людей, чтобы выполнить любую работу».

В то же время коллективные фермы, по мнению Бабефа, будут способствовать правильному использованию почвы: там, где целесообразно возделывать зерновые культуры, будут расти злаки; где почва больше соответствует возделыванию льна, будет лен; где удобнее и выгоднее растить пользу, предпочтение будет отдаваться ей. «Одно зажиточное хозяйство придет на смену множеству бедных хозяйств. Благодаря созданию коллективных ферм мы не увидим больше нищих старух, грязных и изможденных до того, что на них страшно смотреть, пасущих на обочинах дорог тощих, шелудивых коров, от которых они надеются получить немного молока; не увидим изголодавшихся матерей, вынужденных злоупотреблять своим здоровьем и стареть раньше времени из-за того, что им приходится продавать грудное молоко городским детям»³⁶.

Бабеф надеется, что «братские общины» (*communautes fraternelles*) будут способствовать также изменению моральных устоев деревенских жителей: «Как бы связанные единым обручем, они в состоянии будут больше помогать и меньше вредить друг другу; у них не будет уже тех дурных мыслей, которые вынашиваются в одиночестве и осуществляются в сумерках. Благодаря постоянному общению каждый подозрительный замысел, каждый дурной поступок будет на виду... Множество предрассудков и опасных суеверий не замедлит исчезнуть, потому что там, где люди объединяются, чтобы жить совместно, в их отношениях скоро начинает господствовать разум; он их просвещает, он усовещает, он завоевывает влияние и правит ими»³⁷.

Эти высказывания Бабефа представляют исключительный интерес и позволяют по-новому оценить его взгляды. Ж. Лефевр не раз утверждал, например, что коммунизм у бабувистов никогда не шел дальше распределения. Незадолго до смерти он писал: «Удивительно его (Бабефа. — В.Д.) молчание по поводу организации труда. Приходится сделать вывод, что община (la commune), став хозяином средств производства, оставила бы их на правах аренды (a titre d'usufruit) в руках тех, кто пользовался ими раньше: ничто не указывает на то, что крестьянин перестал бы индивидуально возделывать ту землю, которую ему предоставили, или что ремесленник покинул бы свою мастерскую для мануфактуры. Дело не шло о коммунизме производства»³⁸. Ж. Лефевр говорил об этом же и раньше: «Бабеф не понимал, что его коммунизм в распределении требовал и коммунизма в производстве... Хотя Бабеф предполагал передачу собственности нации, ничто не помешало бы тому, чтобы она передавалась в эксплуатацию частным лицам. Одновременно это решение примиряло бы справедливое распределение земель с желанием крестьян владеть своей частью на правах собственности или возделывать ее своими руками. Коммунизм Бабефа не был коммунизмом производства». Лефевру представлялось также, что вопрос о будущем сельского хозяйства, о том, что полученных крестьянами наделов скоро не хватит для растущего населения, «не привлекал к себе внимания Бабефа»³⁹.

Мы видим, однако, что уже в 1786 г. Бабеф совершенно определенно отстаивал преимущества совместного, коллективного ведения хозяйства и отчетливо представлял все отрицательные последствия чрезмерного «дробления» земель, все недостатки, связанные с «индивидуальным возделыванием земли». Земля требует объединения множества усилий для ее обработки: «дробить ее на равные парцеллы между всеми — значит уничтожать наибольшую часть тех преимуществ, которые дает совместный труд» (курсив наш. — В.Д.)⁴⁰.

Итак, еще за 10 лет до оформления «заговора во имя равенства» Бабеф ставил проблему не только «перераспределения», но и производства. Правда, он предусматривал, что «коллективные фермы» будут вносить арендную плату собственникам земли: «Те, кто владеет, будут владеть и дальше». Фермерская аренда, устанавливаемая исходя из среднего урожая и средней цены хлеба, должна была, как и десятина, вычитаться из коллективного урожая. Бабеф даже доказывал, что новый порядок аренды будет соответствовать интересам собственников — «коллективные фермы» будут более

аккуратными, точными и надежными плательщиками. Он лишь настаивал на том, чтобы сроки арендных договоров были возможно длительнее: «Совершенно необходимы долгосрочные арендные договоры, «вечные договоры» были бы еще лучше; они имели бы самые выгодные последствия как для снимающих совместно фермы (co-fermiers), так и для собственников земли, для каждой местности и для крестьян»⁴¹. Их условия следовало бы пересматривать не чаще чем каждые 20 лет⁴².

Хотя в своем письме Бабеф предусматривал возможность полюбовной сделки между участниками «коллективных ферм» и владельцами земли, его отношение к сохранению собственности на землю далеко не так просто. Бабеф, подчеркивая, что эта сделка выгодна крупным собственникам, тут же, правда очень осторожно, оговаривает, что «не хочет ставить вопрос о законности крупной собственности и таким образом прийти к радикальному разрешению вопроса о крупных фермах, самый принцип которых был бы в таком случае оспорен. Уже слишком поздно или еще слишком рано затрагивать эту тему»⁴³ (курсив наш. — В.Д.).

Что же соответствовало подлинным воззрениям Бабефа? Поздно ли, по его мнению, ставить вопрос о собственности или еще рано? Вся его переписка с Дюбуа де Фосее говорит в пользу второго предположения.

Вопрос о собственности и о ее влиянии на общественные отношения занимал, как мы сейчас увидим, центральное место в размышлениях Бабефа. Он резко осуждал существующий «жалкий» социальный строй: «каждое разумное, т.е. справедливое, существо должно краснеть за прошлое поколение и стонать за нынешнее поколение, которое не осмеливается даже мечтать о чем-нибудь лучшем для того поколения, которое за ним следует»⁴⁴. Бабеф целиком исходил из положения, общего, как указал В.П. Волгин, для всех передовых мыслителей XVIII в., что смысл существования человеческого общества состоит в том, чтобы обеспечить для всех его членов наилучшие условия, наибольшее благополучие⁴⁵. В этом отношении Бабеф разделял воззрения своих современников — сторонников естественно-правовых учений XVIII в. Но нельзя не заметить в его рассуждениях и некоторое своеобразие. Конечно, он — рационалист, придававший огромное значение силе разума и просвещения. Но перед его глазами постоянно стоит совершенно реальная картина страшной нужды народных масс, с которой никак нельзя больше мириться. Его возмущают поэтому общие рассуждения о сущности человеческого «благополучия». «Господин де Галамец, — пишет он, — рассуждает

о благополучии как человек, который никогда не знал нужды. Благополучие! Спросите, в чем оно состоит, у того, кто страдает от голода, жажды, холода, от страшной усталости или от собственного невежества!.. Слишком многие пишут о благополучии для того, чтобы доставить себе удовольствие развлечься от безделья, но идилии и пасторали на эту тему сочиняются вдали от стонов рабочих наших предместий (курсив наш. — В.Д.) и душераздирающих жалоб несчастных жителей наших деревень»⁴⁶.

Ж.Лефевр был совершенно прав, когда подчеркивал, что в отличие от Руссо и его верного ученика Буонарроти, исходивших из чисто моральных аргументов, «Бабеф, чуткий к условиям повседневной жизни работников физического труда, взывал скорее к интересам пролетариев, и в этом смысле мы склонны были бы считать его ближе к Марксу»⁴⁷.

В этой связи любопытен ответ Бабефа на вопрос Дюбуа об отношении к роскоши. Бабеф не осуждал ее по чисто моральным мотивам. Он считал сетования против роскоши чрезмерными. Роскошь распространяется не в деревнях — это, действительно, было бы опасно для нравов, — а только в городах среди «праздных людей». Благодаря ей сохраняются и развиваются промышленность и торговля. Если роскошь будет уничтожена, что станет с множеством лиц, которым она обеспечивает пропитание? Что станут делать со своими деньгами «рантье и крупные чиновники? Они будут скупать земли и таким образом окончательно довершат лишение земледельцев всякой собственности»⁴⁸. Правда, отношение Бабефа к роскоши позднее изменилось, но для него типично, что в этих своих рассуждениях он руководствуется не «общеморальными» соображениями, а совершенно конкретными интересами «неимущих классов» (*les classes malaises*).

Даже когда Бабеф пользовался обычной терминологией XVIII в., он вкладывал в нее всегда реальное содержание. Поэтому и понимание Бабефом сущности естественного права отличалось от взглядов тех великих мыслителей XVIII в., которые оказали сильнейшее влияние на формирование его мировоззрения. Так, Бабеф считал совершенно ненужным опускаться, как он выражался, «по лестнице веков», чтобы определить, каково было первобытное «естественное состояние», и выводить из него нормы человеческого общежития. «Естественные права человека! — писал он. — Но это ясно тысячу и тысячу раз; это совершеннейшая очевидность. Естественные права человека — это не что иное, как его право на жизнь (*droit de vivre*)... Это право и есть высшее

право (*droit par excellence*), оно самое священное, оно неприкосновенно, покушаться на это право — значит совершать самое великое из всех преступлений»⁴⁹.

Но «право на жизнь» — это не право «прозябать и влачить свое существование от колыбели до могилы в нищете и лишениях»⁵⁰. Общество обязано обеспечить своим членам существование, «не урезанное, не ограниченное мутной водой с луком и черным хлебом, что мы так часто видим у торфяных болот в большинстве деревень нашей Пикардии (курсив наш. — В.Д.), где, однако, есть много богатых сеньоров и прекрасных замков. Право на жизнь должно по сравнению со всеми другими правами меньше всего разочаровывать»⁵¹. Это «право на жизнь», по мнению Бабефа, обеспечивается трудом. Обязанность трудиться — и это сближает Бабефа со всеми представителями утопического социализма XVIII и XIX вв. — он подчеркивал со всей силой. Праздность, уклонение от труда Бабеф считал величайшим преступлением; недаром он утверждал, что «единственное преступление, за которое следует сохранить высшую меру наказания — смертную казнь, является отказ от труда»⁵².

Но современное Бабефу общество, указывал он, не только вынуждает «работать за двоих, чтобы получать... совершенно недостаточное, грубое, вредное для здоровья питание», не только обрекает людей на то, чтобы они прозябали, плохо одевались, жили в скверных условиях и не получали никакой помощи, когда им изменяет здоровье, — оно уже не в состоянии обеспечить их работой. О каком же благополучии и о каком «праве на жизнь» может идти речь, когда «труд и нищета убивают человека, когда он уже не может при помощи одного избежать другого?»⁵³

Вслед за передовыми мыслителями XVIII в. и под их влиянием Бабеф связывает все эти общественные бедствия с развитием частной собственности. Прежде всего он со всей страстностью осуждает собственность феодальную. «В качестве комиссара-февдиста я не могу не знать, — пишет он, — как образовалась большая часть наших крупных поместий и каким образом они перешли в руки тех, кто владеет ими сейчас. Почти все самые древние титулы являются только освящением огромной несправедливости и чудовищного ограбления. Этот закон был навязан мечом и огнем людям труда, крестьянам, которые, чтобы спасти свою жизнь, предоставляли тем, кто их грабил, вместе с распаханной ими землей и свои собственные жизни... Эти простые люди становились крепостными, т.е. стадом скота, таким же, каким они раньше владели, но которое теперь им уже не принадлежало»⁵⁴. Происхождение этой «украденной

собственности» (*propriete volee*) совершенно ясно для Бабефа. Опыт февдистской деятельности сделал его самым убежденным и непримиримым врагом феодальной собственности. Несмотря на стремление Бабефа «сдерживать свой темперамент», эта враждебность неоднократно прорывается в его переписке с Дюбуа.

Так, объясняя происхождение феодальных кодексов и нрава наследования по старшинству, Бабеф писал Дюбуа 5 сентября 1788 г.: «Эти счастливые разбойники бывали удовлетворены только наполовину, когда им удавалось обеспечить себе крупную собственность. Их грубая спесь страдала при мысли, что в будущем эта собственность может раздробиться между их наследниками и не предоставит их владельцам возможности так же глупо важничать... Таково происхождение так называемого дворянства и возмутительных различий между всеми сословиями в обществе. Тот, кто был менее жестоким, менее вероломным... мог стать только слугой и презираемым другими. Отсюда эти странные кодексы, которые служили узурпаторам для оправдания их титулов и узаконили грабеж»⁵⁵. «Право на жизнь» в» могло не приноситься в жертву этому разбою: «Крепостного можно было вдосталь мучить и убивать. Полуголодного, его постоянно истощали трудом... Когда он становился немощным и калекой, его ждала неизбежная участь — нищенствовать по дорогам, пока он не издыхал на краю ямы где-нибудь в лесу вдали от своих родных, неспособных ему помочь, подальше от барского майора или аббатства, чтобы избавить их от запаха трупного разложения»⁵⁶.

Бабеф не ограничивается критикой феодальной собственности. Вслед за Руссо он прослеживает связь между развитием земледелия и созданием собственности. Бабеф выделяет особо тот вид собственности, который он называет «скромной собственностью» (*propriete modique*), «детисцем предусмотрительности и труда». Но его внимание больше всего привлекает «честолюбивая собственность» (*propriete ambitieuse*): «Поскольку собственность является прямым проявлением нрава на жизнь, выражением всего наиболее естественного, она не менее почтенна, чем самое это право, потому что является только элементом труда — единственным средства, данного человеку для того, чтобы это право не стало мнимым и иллюзорным. Но есть превышение собственности, которое превышает всякую меру подлинного права». И этот «аппетит к собственности», эту «жажду золота» Бабеф считает самой жгучей и в то же время самой отвратительной страстью. «Как только пробужден этот аппетит, он все более возбуждается и воодушевляется всем тем, что присваивает себе: под его влиянием собственность превращается

как бы в масляное пятно, она ширится и принимает все менее ограниченные размеры; становится невозможным определить, где она остановится, и дать этому движению какое-нибудь правдоподобное объяснение. Чем больше собственник заражается этой манией, тем больше он стремится... все огородить, все охватить, все притянуть к себе — равнину, холмы, долины, все что только видит его глаз, всем он хочет овладеть для себя... Если бы это зависело от него, он захватил бы весь земной шар»⁵⁷. Постепенно от земледелия отделяются другие профессии, дававшие возможность тем, кто ими занимался, обеспечивать свое «право на жизнь». Появляются промышленность, торговля, ремесла, искусства — все «пчелы из одного улья». «Право на жизнь» реализуется сперва путем обмена, потом при помощи денег — и тогда появляются новые виды собственности и богатства: «богатыми становились благодаря фабрике, благодаря мануфактуре, благодаря какой-нибудь промышленности; богатыми становились благодаря золоту, серебру, бриллиантам и даже бумажным деньгам, которые представляли собой все, чем можно было овладеть». Именно тогда начинается и торговля земельной собственностью. Города скупают деревни: «Это было началом образования крупной собственности, наполовину приобретенной, наполовину добытой вымогательством, но всегда и повсюду всепоглощающей и тиранической, захватывающей у земледельцев огромные площади ради удовлетворения своих appetitов... Все излишества, все злоупотребления собственностью, все упреки, которые можно ей сделать, начинаются с этого образования крупной собственности». Она является, по мнению Бабефа, главным источником общественных бедствий на всем земном шаре. «Крупная собственность, — писал Бабеф Дюбуа, — изобрела и сохраняет торговлю белыми и рабами, продает и покупает людей; она подавляет их невежеством в Московии, Литве, Польше, Германии и, как жалкий скот, перегоняет их (людей. — В.Д.) из одной страны в другую, лишая их отчизны, семьи, привязанностей, воспоминаний, надежды вернуться на родную землю к своим близким... Это она в колониях, на плантациях наделяет негров большим количеством ударов кнута, чем кусков хлеба»⁵⁸.

Развитие крупной собственности привело к чудовищному неравенству. В обществе установилось «отвратительное распределение, при котором одни имеют в тысячу, десять тысяч, пятьдесят тысяч раз больше, чем им необходимо даже по самому щедрому подсчету; другие имеют в сто, двести, триста, пятьсот, девятьсот раз больше, чем им нужно; некоторые имеют все еще больше того, что им необходимо; остальные же, и таких

бесчисленное количество, имеют гораздо меньше того, что им нужно, или почти ничего. Чем больше растет население, тем более увеличивается число тех, кто обречен на нужду, тогда как богатства все более концентрируются в руках ограниченного меньшинства, находящегося на вершине»⁵⁹.

На ранней стадии своего развития установление собственности не встречало сопротивления. Это происходило, пока она не приносила ущерба ничьему «естественному праву», не «развивалась за его счет», не задевала его. Но когда не осталось ни одного свободного клочка земли, «когда собственность заняла все (курсив наш. — В.Д.), стало очевидным, что она не только задела право на жизнь любого, у кого нет своего клочка земли, но и полностью поглотила его. Следовательно, она обязана обеспечить ему это право на жизнь»⁶⁰. Собственность, в ее различных формах, стала «главным, единственным раздатчиком работы. Собственники должны предоставить ее тем, кто ее не имеет, кто ее требует... Они не могут отказать дать занятие человеку, который хочет работать»⁶¹. За всеми этими рассуждениями Бабефа нетрудно разглядеть Пикардию 80-х годов XVIII в. с ее страшным обезземелением и пауперизацией крестьянства, развитием капиталистической мануфактуры, с промышленными затруднениями и безработицей.

Поскольку развитие собственности стало мешать осуществлению основного права человека, право частной собственности перестало быть неприкосновенным. Эту мысль, чрезвычайно для него важную, Бабеф формулировал предельно четко. «Право на жизнь», «соответствующее всему тому, чего требует развитие и сохранение человеческого существа, предшествует праву собственности, праву условному»⁶²; именно оно «главствует над правом собственности (курсив наш. — В.Д.)». «Естественное право, право на жизнь, существует от рождения, оно является абсолютным правом; все остальные права только условны»⁶³. Общество, в котором развитие собственности привело к тому, что «здоровые люди вынуждены скрестить руки вопреки своей воле и лишаются, таким образом, права на жизнь, это общество является безнравственным, гнусным и совершенно разложившимся»⁶⁴. С таким общественным строем мириться нельзя: «Жить в том смысле, который нужно придавать этому слову, — это право, стоящее выше всего того, что люди до сих пор, разумно или ошибочно, окрестили названием права; отсюда вытекает, что его следует требовать, поддерживать, сохранять, вновь восстанавливать всеми возможными средствами. Хитрость или насилие (курсив наш. — В.Д.) — ничто при этом не является

незаконным... Право на жизнь содержит в себе абсолютное право бороться со всем тем, что так или иначе противится или мешает его осуществлению. Нападать в этом случае — значит только защищаться»⁶⁵.

В том, что существующий социальный строй не может сохраниться в прежнем виде, у Бабефа нет никаких сомнений: «Не будучи пророком, можно предвидеть, что придут времена, когда эти печальные слова — нужда, бродяги, нищие или, другое слово, босоногие (*va nus pieds*), которые с таким презрением кидают каждому бедняку, как бы он ни был честен, навсегда исчезнут из наших словарей»⁶⁶. В том же июне 1786 г. он писал Дюбуа: «Поверьте мне, что все придется разрушать, все придется переделывать, пока не будет скрыто до основания здание, не пригодное для благополучия всех людей, и, пока за него вновь не примутся с самого основания, по совершенно новому плану, в полном соответствии с требованиями свободного и совершенного развития»⁶⁷. Приближается время, когда собственность почувствует «грозную опасность». Бабеф очень точно формулирует причины этого: «Существует такое ужасающее несоответствие между богатыми вверху и бедняками внизу, положение одних настолько подавляет, а других настолько подавленное, что жертвы этого чудовищного неравенства не могут не роптать против него. Так возникают идеи реформы или переворота. Они овладевают всеми умами, встревоженными и возмущенными таким положением. Те, кто страдает, и те, кто, не перенося сами таких страданий, живо сочувствуют несчастьям других, упрекают высокопоставленных фаворитов собственности»⁶⁸.

Поддерживая требование раздела крупных ферм, Бабеф видел в нем только первую попытку «перераспределения»: «дележ ферм — только самая незначительная уступка, с которой они (крупные собственники. — В.Д.) должны поспешить прежде всего»⁶⁹. Но у Бабефа складывается в это время и другой план гораздо более радикальных общественных преобразований. В июне 1786 г., доказывая преимущества «коллективных ферм», Бабеф писал: «Тем не менее, если зло, которое уже теперь достаточно велико, еще разовьется, придется договариваться. Те, кто владеет, будут владеть и впредь. Но для общества и для них самих не было ли бы гораздо выгоднее, если бы они никогда ничего не имели и если бы каждый из нас появлялся бы на свет в совершенно обновленном мире, где все было бы общим (*ou tout serait a prendre en commun*)»⁷⁰. Правда, Бабеф тут же осторожно оговаривается, что, «так как этого нет и социальное здание не может быть заново перестроено до основания, нужно стараться приспособить то,

которое существует, улучшая его»⁷¹. Но эта оговорка явно не соответствовала подлинным намерениям и стремлениям Бабефа.

* * *

В свете всех этих глубоких размышлений Бабефа, содержащихся в неотправленном им Дюбуа до Фоссе июньском письме 1786 г., становятся гораздо более понятными некоторые письма его к секретарю Аррасской академии, опубликованные в свое время Адвиелем.

26 октября 1786 г. Дюбуа сообщил Бабефу, что ознакомился с проспектом произведения, имеющего странное название: «Предвестник полного изменения мира благодаря благосостоянию, хорошему воспитанию и всеобщему процветанию всех людей или проспект патриотического мемуара о причинах существующей повсюду великой нищеты и средствах ее полного уничтожения». Дюбуа отнесся к этому проспекту довольно пренебрежительно: «Все это имеет очень серьезный вид, но, в действительности, вызывает смех»⁷².

У Бабефа это сообщение вызвало совершенно другое отношение, «Автор «Предвестника изменения мира» кажется мне поистине оригинальным, — отвечал он 5 ноября 1786 г., — но я далек от того, чтобы осуждать его оригинальность; она мне нравится, как и его намерения, о которых я очень хотел бы узнать подробнее. Над ним будет, вероятно, глумиться большинство, но, возможно, он встретит людей, которые, подобно ему, проникнуты теми же чувствами человечности и патриотизма». Бабеф настойчиво и неоднократно добивался у Дюбуа подробного изложения содержания «Предвестника»⁷³.

Разъяснения Дюбуа последовали не скоро. В марте 1787 г. он обратился к Бабефу с предложением выдвинуть темы для очередного ежегодного конкурса, объявляемого Аррасской академией. Бабеф предложил 21 марта 1787 г. три темы. Об одной из них — о целесообразности сохранения трехпольной системы — мы уже говорили. Второй вопрос был посвящен реформе налогового обложения в связи с разрабатывавшимся тогда Бабефом планом «Постоянного кадастра». Третий вопрос, давно уже привлекавший внимание всех биографов Бабефа, был сформулирован так: «При общей сумме уже достигнутых сейчас знаний, каким будет положение народа, социальные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами будет царить самое совершенное равенство (*la plus parfaite egalite*), что земля, на которой он живет, не будет принадлежать никому в отдельности, а всем, что наконец все будет общим, вплоть до изделий всех видов промышленности. Разрешаются ли подобные

учреждения естественным законом? Возможно ли, чтобы такое общество существовало в достижимо ли совершенно равное распределение?» (курсив наш. -В.Д.)⁷⁴.

Тем временем Дюбуа в нескольких письмах (от 14 марта, 5 апреля, 8, 12, 16, 18, 21 июня) изложил предложения автора «Предвестника» о питании, одежде, жилищах, воспитании населения в будущем, обновленном обществе⁷⁵. Пересказ Дюбуа звучал крайне иронически. Но Бабеф отнесся к этим планам совершенно по-иному.

Как раз в это время в переписке был затронут вопрос о разработке единого законодательства. Дюбуа жаловался на то, что в начале царствования Людовика XVI был упущен момент для постановки вопроса о ликвидации местного права, многочисленных провинциальных обычаев (кутюмов) и введении единого кодекса. Дюбуа казалось наиболее целесообразным применение прусского кодекса Фридриха II. Но Бабеф нашел это предложение слишком ограниченным, неспособным уничтожить зло к самой его корне а решительно противопоставил взглядам Дюбуа проект автора «Предвестника».

«И тот и другой, — писал Бабеф 8 июля 1787 г., — направлены, как будто бы, к общему благу. Но бывает мечта и мечта, парадокс и парадокс, — я не знаю, какому из двух мыслителей я отдал бы предпочтение... Апостол всеобщего кодекса стремится к тому, чтобы людям всех сословий во всех странах были предоставлены одинаковые права в отношении наследства,— это было бы очень хорошо. Но автор всеобщего преобразования хочет, чтобы всем людям, без различия, была бы предоставлена совершенно равная доля во всех благах и преимуществах, которыми только можно пользоваться в этом мире, — и это мне кажется гораздо лучшим»⁷⁶.

Введение единого кодекса является «слишком ничтожным паллиативом для такого большого зла». Оно «нисколько не помешает тому, чтобы мои дети рождались нищими и лишенными всего, тогда как дети моего соседа, миллионера, только открыв глаза, жили бы уже в полном изобилии. Оно не помешает тому, чтобы этот же сосед, чванящийся своим огромным состоянием, не презирал бы меня только за то, что я бедняк, униженный бременем нищеты». В своем письме от 8 июля 1787 г. Бабеф противопоставил этому план автора «Предвестника»: «Но как мне нравится автор всеобщего преобразования! Как досадно, что он не раскрыл способы его осуществления... Ясно, что его план охватывает все, и после того, как его предложения будут осуществлены, я не предвижу возможности какого-либо преступления, требующего наказания, кроме пренебрежения к об-

щему труду для всего человеческого общества. Вероятно, для всего этого потребуется, чтобы короли сложили свои короны, а все лица, владеющие титулами, отказались от своих санов, должностей и званий. Но это не должно нас остановить. Для того, чтобы совершить великую революцию, нужно осуществить великие перемены» (курсив наш. — В.Д.)⁷⁷.

Бабеф сравнивает взгляды «Reformateur general» с Руссо. Он признает великую заслугу автора «Эмиля», но осуждает стремление Руссо вернуть общество к «естественному», первобытному состоянию. «Мне кажется, — пишет Бабеф, — что наш Реформатор делает гораздо больше, чем женеvский гражданин, которого я иногда склонен считать чистым мечтателем. Он мечтал хорошо, но наш человек мечтает лучше. Как и тот, Реформатор считает, что все люди совершенно равны, что они ничем не должны владеть в отдельности, а пользоваться всем сообща (курсив наш. — В.Д.) так, чтобы, рождаясь, каждый человек не был бы богаче другого и не пользовался меньшим уважением со стороны окружающих. Но вместо того, чтобы отсылать нас, как господин Руссо, в чащу лесов, чтобы мы уселись под дубами, утоляли жажду из первого попавшегося ручейка и отдыхали под тем же дубом, под которым найдем себе пропитание, наш Реформатор предлагает нам питание четыре раза в день, очень изящно нас одевает и дает каждому из нас, отцов семейства, прекрасные дома в тысячу луи... Что ж, прекрасно! Виват! Что касается меня, я готов стать одним из первых переселенцев, которые отправятся в эту новую республику.

С моей стороны не встретится трудностей, чтобы приспособиться ко всему, что потребуется. Лишь бы я мог жить в счастье и довольстве, не зная тревоги ни за участь моих детей, ни за свою собственную»⁷⁸.

В этой связи Бабеф высказывает свои самые горячие симпатии к людям физического труда, притом именно к рабочим: «Для меня не составит никакого труда обращаться как с равным с работником, который будет меня причесывать, или с тем, кто будет изготавливать мою обувь. Так оно и должно быть. Разве существование этих полезных работников не является необходимостью? Если вкус и природные наклонности привели их к такой профессии, а не к изучению законов, разве общество из-за этого должно относиться к ним, как к менее привлекательным, чем те, которых склонности или способности привели к занятию судебных должностей? Не все люди могут быть судьями, и те, кто ими стал, затратили, возможно, меньше труда, чем какой-нибудь несчастный рабочий, к которому судьба оказалась

неблагоклонной, для изучения какого-нибудь простого ремесла. Разве это его вина, если при рождении он не получил более счастливых наклонностей?»⁷⁹

Для Бабефа, жившего в Сантерре, в центре распространения чулочно-вязального производства, очень характерно, что он избирает в качестве примера профессии, достойной всяческого уважения, вязальщика чулок: «Он научился только вязанию. Прекрасно: он будет вязать чулки для крестьян, для поваров, для виноделов, для производителей тканей, для портных, для сапожников, для парикмахеров, для каменщиков, для юристов и т.д., а те, в свой черед, обеспечат ему хлеб, хороший стол, вино, одежду, обувь, завивку волос, жилище... Когда наша новая Республика будет образована, все полезные сословия (а других тогда, наверное, и не буде) станут пользоваться одинаковым уважением»⁸⁰.

Огромную, принципиальную важность этих мыслей Бабефа признавали почти все исследователи его биографии. Эти идеи для Бабефа отнюдь не случайны. Недаром формулировки в июньском письме 1786 г. об обществе, в котором «все было бы общим» (*tout serait a prendre en commun*), почти дословно совпадают с высказываниями в теме для конкурса об обществе, где «все стало бы общим» (*tout fut commun*), и с только что приведенной фразой о том, что люди «должны... пользоваться всем сообща» (*jour de tout en commun*).

Установление полного социального равенства было для Бабефа уже тогда основной задачей, к которой следует стремиться. «Первый из всех законов... великий закон равенства»⁸¹. «Подлинная цивилизация... может быть только результатом уравнивания: оно содействует улучшению и не уничтожит ничего, кроме того, что препятствует уравниванию»⁸².

В этом же духе рассматривает Бабеф и вопрос о женском равноправии. В июньском письме 1786 года содержатся блестящие страницы, проникнутые огромным воодушевлением и посвященные необходимости уравнивания женщины с мужчиной во всех правах. Подчиненное положение женщины Бабеф считает «самой отвратительной, самой гнусной несправедливостью»⁸³. Он рассматривает его, как «заговор одной половины человеческого рода, чтобы удержать под своим игом другую часть»⁸⁴, которая, однако, по своему предназначению, по своим способностям решительно ничем не отличается от первой.

Женщина должна быть восстановлена в своих правах, и это устранение одного из наиболее вопиющих видов неравенства явится лишь важным шагом к восстановлению полного равенства:

«Еще одним видом неравенства меньше, так будет происходить при каждом успехе прогресса в обществе, вплоть до того, что совершенно исчезнет всякое неравенство, Прогресс, по моему мнению, состоит только в выравнивании (*le progres n'est, je crois, que du nivellement.* (Курсив наш. — В.Д.)⁸⁵.

Только установление равенства приведет к полному обеспечению «права на жизнь». Общество должно само определить необходимые размеры, требуемые для полного удовлетворения этого права. Оно должно «справедливо декретировать точную меру (*etalon*) как в соответствии с общими ресурсами, так и с ресурсами местными. Право на жизнь составляется из всего того, что необходимо человеческой организации, чтобы она постоянно имела все, что ей требуется. Право на жизнь измеряется на душу населения, но пропорционально возрасту. Каждый взрослый, независимо от пола, считается за единицу, ребенок до 7 лет — за 1/10, до 10 лет — за 1/3, до 14 лет — за 2/3, до 18 лет — за 3/4 единицы»⁸⁶. Распределение «общего продукта» должно происходить так же, как и на коллективных фермах. «Управление поручается по их выбору наиболее способному...; нет слуг, существуют только члены сообщества». Бабеф глубоко уверен, что такой строй обеспечит полное изобилие. «Хилых, тщедушных, истощенных, одичавших, впавших в уныние» людей сменяют тогда «здоровые, бодрые, энергичные, веселые, неутомимые, умные, полные духа соревнования. С ними все будет процветать, и в этих условиях, если даже население мира станет в два-три раза больше, на что уйдут века, это не помешает тому, чтобы для всех была полностью обеспечена жизнь»⁸⁷.

Таковы, в общих чертах, социальные взгляды Бабефа в 1786–1787 гг. Совершенно очевидно, что в переписке с Дюбуа де Фоосе, хотя далека еще не в законченной форме, сформулирован целый ряд важнейших идей характерных для мировоззрения Бабефа.

Формирование мировоззрения Бабефа происходило под влиянием великих мыслителей XVIII в. Не подлежит ни малейшему сомнению воз действие, оказанное на Бабефа Руссо. Не случайно, в своем мемуаре 1786 г. о «дорогах в Артуа и важности их сокращения», носившем как будто чисто технический характер, Бабеф счел нужным привести подробную цитату из «Речи о происхождении и основах неравенства между людьми»⁸⁸. Это произведение (в котором, по словам Энгельса, учение Руссо «блистательно обнаруживает печать своего диалектического происхождения»⁸⁹) произвело на Бабефа большое впечатление, из него он очень много почерпнул для понимания вопроса о роли собственности в образовании общественного неравенств. Бабефу

были знакомы еще до революции и другие произведения Руссо, прежде всего его «Общественный договор». Одну из идей этой книги о том, что совершенным обществом может считаться только такое, в котором «каждый имел бы достаточно и никто не имел бы слишком много», Бабеф цитировал многократно и всегда называл «эликсиром Общественного договора»⁹⁰. Бабеф хорошо знал и «Исповедь»; в одной из своих записей он назвал ее «шедевром»⁹¹. Также внимательно изучал он «Эмилия». Изложенных там правил воспитания он придерживался совершенно пунктуально при воспитании своих детей.

Бабеф часто сравнивал поведение Руссо, его судьбу со своей собственной: «У меня, в некоторой мере, характер философа, — писал он в 1793 г. голландцу Макеретроту, — у меня нет обычного недостатка французов, их болтливости. Напротив, я лаконичен, как спартанец, я размышляю, обдумываю, как это делал в свое время Руссо. Поиски способов осуществления всеобщего благополучия являются для меня, как и для него, постоянным занятием»⁹². Объясняя в 1791 г. аббату Купе, будущему члену Законодательного собрания, причины своей «застенчивости и нелюдимости», Бабеф отмечал, что и Руссо, по его собственному признанию, никак не мог преодолеть этих черт, возникших вследствие его постоянных размышлений. «Он, вы и я, — писал Бабеф, — все мы немного напоминаем друг друга. Нас всех занимает одна цель»⁹³.

Однако, несмотря на все преклонение перед «нашим учителем Жан Жаком»⁹⁴, уже в этот период у Бабефа появляется и критическое к нему отношение. Вопрос о «пределах нашей веры в Жан Жака», о тревоге, которую вызывают в нем «странности» Руссо, Бабеф впервые поставил перед Дюбуа в связи с проблемой воспитания детей. Бабеф отвергал также призыв Руссо вернуться к естественному, первобытному состоянию. Социальные проекты Руссо казались ему слишком ограниченными. В одном из писем Бабеф характеризовал Руссо как «автора чисто идеальных систем», в то время как самого Бабефа интересовало прежде всего не «идеальное», а «реальное благополучие»⁹⁵.

Помимо Руссо, на Бабефа оказали совершенно очевидное влияние и чисто коммунистические мыслители XVIII в. В полемике по вопросу о генезисе коммунистических воззрений Бабефа, ведшейся в 1958 г. на столбцах «*Annales historiques de la Revolution française*», английский исследователь Коэ высказал предположение, что наиболее сильное влияние на формирование идей бабуизма оказал Морелли⁹⁶. У нас нет сведений, подтверждающих, что Бабеф был знаком до революции с

«Кодексом природы». Зато мы имеем совершенно несомненные доказательства того, что он очень внимательно изучал Мабли и еще до 1789 г. был знаком с его произведениями.

Темой для конкурса, предложенной Бабефом, как мы видели, был вопрос о возможности создания общества «совершенного равенства». Эта формула — «*egalite parfaite*» — как цель, к которой должны быть направлены стремления человечества, впервые встречается у Бабефа в 1787 г. и затем неоднократно повторялась им после революции. «Как мы далеки, — писал он 3 октября 1791 г. Купе, — от этой замечательной мечты совершенного равенства (*du fameux reve d'egalite parfaite*), которую я стремительно рисовал в Бовэ»⁹⁷. Весной 1793 г. свой проект законодательства Бабеф озаглавил «Законодательство санкюотов или совершенное равенство»⁹⁸. В феврале 1794 г., излагая в письме из тюрьмы своему сыну сущность своих взглядов и те задачи, которые, по его мнению, продолжают стоять перед революцией, Бабеф писал: «Возможно, что французский народ доведет свою революцию до счастливого конца, до системы совершенного равенства... той цели, которая завертит все усилия нашей республики»⁹⁹.

Но автором этой формулы «совершенного равенства», как своеобразной «конечной цели», которую так упорно повторял Бабеф, был не он. На Вандомском процессе он указал ее автора — Мабли, и воспроизвел текстуально фразу, которая так прочно засела в сознании Бабефа еще в 80-х годах. В «Законодательстве или принципах закона», опубликованном в 1776 г., Мабли писал: «Равенство необходимо людям. Природа сделала из него закон для наших предков, и она провозгласила свои намерения настолько ясно, что обойти их нельзя. В самом деле, кто может отрицать, что, выходя из ее рук, мы не находимся в состоянии самого совершенного равенства (*le plus parfaite egalite*. Курсив наш. — В.Д.)»¹⁰⁰.

То, что, формулируя свой идеал, Бабеф испытал сильнейшее влияние Мабли, подтверждается, в частности, и сохранившейся в архиве Бабефа записью, сделанной им в 1789 г. во время редактирования «Постоянного кадастра»¹⁰¹.

В своих размышлениях над социальными проблемами Бабеф, вероятно, испытывал влияние и других мыслителей. В его записях 1791 г. мы встречаем ссылки на известную социальную утопию Себастьяна Мерсье «2440 год», пользовавшуюся тогда очень большой популярностью не только во Франции, но и в Германии¹⁰². Возможно, что Бабеф был знаком с этой утопией еще до революции, — и этим объясняется его интерес к газете Мерсье

«*Annales patriotiques*», которую Бабеф внимательно читал с самого начала революции.

Симпатии Бабефа к коммунизму, столь явно проявившиеся в его переписке с Дюбуа де Фоссе, никак нельзя считать только «полуинстинктивными». Они основаны, как мы видели, на очень внимательном наблюдении над окружавшей Бабефа экономической действительностью, с ее складывавшимися капиталистическими отношениями, на его глубоких симпатиях к страданиям народных масс и на достаточно серьезном изучении им взглядов передовых мыслителей XVIII в. и, притом, не только эгалитаристов, но и коммунистов, прежде всего Мабли. Именно у него будущий руководитель движения «во имя равенства» мог почерпнуть — и, вероятно, почерпнул — свой идеал «совершенного равенства» (*egalite parfaite*).

Определение социальных взглядов Бабефа накануне революции, как только эгалитаристских, кажется нам поэтому недостаточным. В.П.Волгин, превосходно проанализировавший различие между эгалитаризмом и социализмом, указал, что для идеи уравнительного передела характерно стремление к укреплению «за каждым некоего индивидуального владения, равенство на основе частного владения». Цель эгалитаризма состоит в устранении «недостатков индивидуалистического производства, при сохранении его индивидуального характера» (курсив наш. — В.Д.). В противоположность этому цель социализма состоит в преодолении этого индивидуализма «при помощи общественной организации труда на базе общественных средств производства»¹⁰³.

Но проект «коллективных ферм», выдвинутый Бабефом, достаточно ясно говорит о том, что Бабеф не стремился к сохранению индивидуального владения. Преимущества общественной организации труда уже тогда были для него вполне очевидны. Владение «сообща» (*en commun*) уже тогда представлялось Бабефу основным, определяющим признаком общества, к созданию которого он стремился, общества «совершенного равенства».

Взгляды Бабефа накануне Французской революции далеко еще не приняли законченной формы, многие вопросы оставались для него неясными. Если он уже в это время являлся решительным врагом «крупной собственности» во всех ее видах, то его отношение к «скромной собственности» (*propriete modique*) еще не вполне определилось, хотя все ее слабости ему очевидны. У него нет еще плана коммунистических преобразований, и ему досадно,

что автор «Предвестника» не раскрыл те средства, с помощью которых он надеется осуществить свой план.

Только огромный опыт Французской революции, прежде всего якобинской диктатуры, позволил Бабефу сделать следующий, решающий шаг в формировании своего революционно-коммунистического мировоззрения. Однако коммунизм, вопреки утверждениям Альбера Матьеза, не был для Бабефа и до революции только «фасадом», — уже тогда планы коренного социального переустройства стояли в центре его внимания.

Без революционной теории не может быть и действенной революционной практики. По своему теоретическому уровню Бабеф стоял выше всех остальных, современных ему деятелей плебейского движения во Франции. Все последние находки в литературном наследии Бабефа — и его июньское письмо 1786 г. и «Философский свет» — неопровержимо свидетельствуют об этом. Эта большая зрелость теоретических воззрений Бабефа в значительной мере объясняет, почему именно он оказался во главе движения «во имя равенства».

1 E.Fleury. Biographie de Babeuf. Etudes revolutionnaires. Laon, 1850.

2 E.Coet. Babeuf a Roye. Peronne, 1865; его же. Histoire de la ville de Roy. vol.1—2. Peronne, 1880.

3 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'apres de libres documents inedits, vol.I—II. Paris. 1884.

4 A.Espinas. La philosophie sociale du XVIII-me siecle et la revolution. Paris, 1898.

5 C.Deville. Thermidor et Directoire, s.l. [1804]; его же. Notes inedites de Babeuf sur lui-meme. — «La Revolution francaise», t. XLIX, 1905, p.37—44.

6 A.Thomas. La pensee socialiste de Babeuf, avant la conspiration des Egaux. — «La Revue socialiste», t.40, 41. Paris, 1904, 1905.

7 A.Patoux. Le faux de Gracchus Babeuf. S.Quentin, 1013.

8 См. В.П.Волгин. Идейное наследие бабувизма, — «Очерки по истории социализма». М.—Пг., 1923.

9 В.П.Волгин. От Бабефа к Марксу. — «Очерки по истории социализма». М.—Л., 1935; его же. Социализм и эгалитаризм. — Там же; его же. История социалистических идей, ч.I. М.—Л., 1928; его же. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, **полный текст в нашей библиотеке** http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf; см. также его предисловие к книге Буонарроти «Движение «равных» и их социальные идеи» (Ф.Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа, т.1—2. М.—Л., 1048); его же. Статьи о Бабефе в Большой Советской Энциклопедии, т.IV, (1-е и 2-е изд.), **текст в нашей библиотеке** <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p85037962.htm>

10 К.П.Добролюбский. Гракх Бабеф и термидорианская реакция. — Сб.работ историч. ф-та Одесского ун-та, т.2, 1947; его же. Термидор.

Одесса, 1949; П.П.Щеголев. Заговор Бабефа. Л., 1927, **текст в нашей библиотеке** http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf; его же. Гракх Бабеф. М., 1933; см. также «Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов», т.2. М., 1930.

11 M.Dommanget. Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1922 (русск. перевод: М.Домманже. Бабеф и заговор Равных. Л., 1925, **текст полностью:** http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_dommanget.pdf);

«Pages choisies de Babeuf, recueillies, commentees, annotees avec une introduction et une bibliographie critique» par M.Dommanget. Paris, 1935; новейшее, очень удачное издание избранных произведений Бабефа вышло в 1950 г. под редакцией «К. и К. Вилларов: G.Babeuf. Testes choisis. Preface, commentaires et notes par G. et C. Willard. Paris, 1950.

12 A.Mathiez. La reaction thermidorienne. Paris, 1929 (русск. перевод: А.Матьез. Термидорианская реакция. М.—Л., 1931, **текст полностью:** <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>); его же. Le directoire. Paris, 1934.

13 A.Mathiez. Le directoire, p.164.

14 G.Lefebvre. Ou il est question de Babeuf. — «Etudes sur la Revolution francaise». Paris, 1954; его же. Les origines du communisme de Babeuf. — Ibidem; а также: J.Dautry. Georges Lefebvre et le babouvisme.— «Annales historiques de la Revolution francaise», 1960, p.47—56.

15 G.Walter. Babeuf 1760—1797 et la conjuration des Egaux. Paris, 1937.

16 A.Galante Garrone. Buonarroti e Babeuf. Torino, 1948; A.Saitta. Filippo Buonarroti, vol.1—2. Roma, 1950—1951.

17 См., например, «Un inedit de Babeuf». — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1958, № 151; G.Bourgin. Quelques inedits de Babeuf. — «Annales historiques de la Revolution francaise», 1959. № 156, 157.

18 «Pages choisies de Babeuf...», p.IX—X.

19 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf'..., vol.II.

20 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА НМЛ), ф.223, д.654, стр.9.

21 ЦПА НМЛ, ф.223, д.654, стр.35.

22 ЦПА НМЛ, ф.223, д.664. Письмо сохранилось в копии, сделанной, по-видимому, Адвиелем. Оно расшифровано старшим научным сотрудником НМЛ Н.И.Непомнящей, которой автор выражает глубокую признательность.

23 Текст письма Бабефа, сохранившийся в замке Дюбуа де Фоссе, любезно сообщен нам директором Института истории Французской революции при Парижском университете проф.М.Рейнаром.

24 Кстати, июньское письмо 1786 г. и некоторые другие записи, имеющиеся в архиве ИМЛ, позволяют исправить одну ошибку Адвиеля, который считал, что поводом к началу переписки послужил «мемуар» о дорогах, присланный Бабефом на конкурс, объявленный Аррасской академией. Теперь выяснилось, что «мемуар», опубликованный Адвиелем, был не первым, а вторым и прислан он был только год спустя после первого, о котором Адвиель совсем не упомянул.

- 25 ЦПА ИМЛ, ф.223, 78 В IX. Запись об этом конкурсе, хранящаяся в архиве ИМЛ, сделана, по-видимому, Адвиелем, во всяком случае той же рукой, которой снята копия с июньского письма Бабефа 1786 г. К сожалению, текст мемуара нам не известен.
- 26 A.Young. Voyages en France. Paris, 1931, p.747. Мемуар Дельгорга был издан в 1786 г. под названием «Memoire sur cette question. Est-il utile en Artois de diviser les fermes et exploitations des terres. Ouvrage qui a remporte le prix a Academie d'Arras le 26 avril 1786». Бабеф несколько раз просил Дюбуа выслать ему эту работу, с содержанием которой он ознакомился сперва только по отчетам о заседании Академии. — ЦПА ИМЛ, ф.223, 44 В VII; V. Ad vie lie. Histoire de Gracchus Babeuf., p.50.
- 27 ЦПА ИМЛ, ф.233, д.664, стр.2.
- 28 ЦПА ИМ Л, ф.223, д.654, стр.11.
- 29 Там же.
- 30 Там же, стр.10.
- 31 Там же, стр.3.
- 32 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., p.117. О своем отрицательном отношении к трехполью Бабеф говорит также в другом письме и Дюбуа (23 мая 1787 г.). — Ibid., p.155. Ж.Лефевр, таким образом, ошибался, когда предполагал, что влияние на Бабефа «общинных традиций» сказывалось в том, что он был сторонником сохранения «трехполья» и системы «открытых полей». — G.Lefebvre. Les origines du communisme de Babeuf. — «Etudes sur la Revolution l'rangaise», p.307.
- 33 ЦПА ИМЛ, ф.223, 42 В VII; V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., p.222, 223.
- 34 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.13, 18.
- 35 Там же, стр.5.
- 36 Там же, стр.6.
- 37 Там же, стр.7.
- 38 F.Buonarroti. Conspiration pour l'egalite. Preface par G.Lefebvre. Paris, 1957, p.112—13. Рус.перевод, полный текст: <http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf>, <http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf>
- 33 G.Lefebvre. Les origines du communisme de Babeuf. — «Etudes sur la Revolution francaise», p.307.
- 40 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.44.
- 41 Там же, стр.6.
- 42 В 1790 г., уже после революции, Бабеф вернулся к этому же больному для пикардийской деревни вопросу о «долгосрочных арендах» в связи с вопросом о распродаже церковных имуществ.— См. нашу работу «Бабеф и Марат в 1789—1790 годах». — «Вопросы истории», 1956, № 9.
- 43 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.8.
- 44 Там же, стр.9.
- 45 В.П.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке, стр.126.
- 46 ЦПА ИМД, ф.223, д.654, стр.14.
- 47 F.Buonarroti. Conspiration pour l'egalite. Preface, p.16.
- 48 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., p.234—235.
- 49 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.33-31.
- 50 Там же, стр.34.
- 51 Там же, стр.46.
- 52 «В каждом подлинно справедливом и братском обществе леность такого рода станет неслыханной и, если бы мне позволено было обсуждать здесь по существу все вопросы, мне нетрудно было бы доказать, что она была бы единственным преступлением (transgression), за которое нужно сохранить смертную казнь». — ЦПА ИМЛ, ф.253, д.6:54, стр.35.
- 53 Там же, стр.9.
- 54 Там же, стр.35.
- 55 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf.., p.35—36.
- 56 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.33-36.
- 57 ЦПА ИМЛ, ф.268, д.664, стр.37—38.
- 58 Там же, стр.40—41.
- 59 Там же, стр.43.
- 60 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.34.
- 61 Там же, стр.45.
- 62 Там же, стр.35.
- 63 Там же, стр.42.
- 64 Там же, стр.46.
- 66 Там же, стр.33—34.
- 66 Там же, стр.46, 47.
- 67 Там же, стр.1.
- 68 Там же, стр.43—44.
- 69 Там же, стр.9.
- 70 Там же, стр.44.
- 71 Там же.
- 72 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf.., p.23, 33.
- 73 ЦПА ИМЛ, ф. 223, И В VII; 94 В VII. ..
- 74 ЦПА ИМЛ, 32 В VII.
- 75 V.Advielle. Histoire de Babeuf.., p.120, 129, 164, 169, 173, 175, 180—181.
- 76 Ibid., p. 190.
- 77 ЦПА ИМЛ, ф.223, <?> В VII; V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., p.190—192. Между оригиналом письма и текстом, опубликованным Адвиелем, имеются некоторые, впрочем небольшие, разночтения, устраненные нами в соответствии с подлинниками Бабефа.
- 78 ЦПА ИМЛ, ф.223, 95 В VII; V.Advielle. Histoire do Gracchus Babeuf..., p.193-194.

79 ЦПА ИМЛ, ф.228, 95 В VII.

80 ЦПА ИМЛ, ф.223, 95 В VII; V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf., р.194–195. Аргументы Бабефа, конечно, не подействовали на Дюбуа де Фоссе. «К сожалению, — писал он, — этот (проект. — В.Д.), который всем нравится, совершенно не практичен, и чем больше над ним задумываешься, тем яснее, что это только мечта. Как жаль! Но мы имели бы рай на земле, а к этому мы не призваны». — V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., р.209. Это еще раз доказывает всю неосновательность предположения Л.Жакоба, будто Дюбуа де Фоссе «сильно» повлиял на формирование коммунизма Бабефа». — См. «Annales historiques de la Revolution francaise», 1936, № 74, р.170.

81 ЦПА ИМЛ, ф.223, д.654, стр.33.

82 Там же, стр. 28.

83 Там же, стр. 27-

84 Там же, стр.25.

85 Там же, стр.22.

86 Там же, стр.39.

87 Там же, стр.40.

88 ЦПА ИМЛ, ф.228, 96 В VII; V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf..., р.5.

89 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.138.

90 «Le Tribun du peuple», № 55; см. также «Pages choisies de Babeuf», р.255.

91 ЦПА ИМЛ, ф. 223, 26 В III.

92 Там же, 76, В IV.

93 A.Espinas. La philosophie sociale en XVIII siecle, р.401

94 ЦПА ИМЛ, 35 В II.

95 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf., р.77.

96 «Annales historiques de la Revolution française». Paris, 1958, № 160.

97 ЦПА ИМЛ, ф.223, III В VI (письмо 3 октября 1701 г.). Бабеф имеет в виду свои встречи с Купе в Бовэ осенью 1791 г., накануне избрания последнего членом Законодательного собрания.

98 Там же, 3 В II.

99 Там же, 2 В X. Это письмо, подлинник которого хранится в архиве ИМЛ, было опубликовано М.Домманже по копии.— «Pages choisies de Babeuf», р.157.

100 G.V.Mably. De la legislation ou principes des lois. Amsterdam, 1776, р.57–58.

Рус.перевод, полный текст:
<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/Mably3.pdf>

101 ЦПА ИМЛ, ф.223, 9 В III в записи сказано: «Цитата Мабли, относящаяся к равенству людей, последняя страница обращения к жителям Шэ\шани»; см. также упоминание о Мабли в записи Бабефа от 17 июля 1791 г.— ЦПА ИМЛ, ф.223, 26 В III.

102 S.Mercier. L'an 2440 ou reve s'il en fut jamais. Neuchatel, 1772; ЦПА ИМЛ, 45 В II. В архиве имеются также многочисленные выписки из газеты Мерсье (см., например, ЦПА ИМЛ, ф.223, 18, 19 В I).

103 В.П.Волгин. Эгалитаризм и социализм. — «Очерки по истории социализма», стр.383, 386–386. Текст:

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf